

Веганство как вид потребительской деятельности

Питер Гелдерлоос

2009

Оглавление

...Высокие моральные принципы достигают религиозных масштабов	8
Не является ли «освобождение животных» оксюмороном?	10
...В заключение	12

Дело в том, что капитализм обращается с животными ужаснейшим образом. Многие цивилизации нормализовали негуманное отношение к животным, но капитализм превосходит все по интенсивности, повторяемости и незаметности этой безразличной эксплуатации, сопряженной с регулярными проявлениями вопиющего садизма. И хотя многие цивилизации также разрушали окружающую среду, в которой существовали, капитализм как глобальная система с ранее небывалым уровнем технологической мощи впервые осуществил экоцид в глобальном масштабе. Явно, что сегодня биологическое разнообразие и биомасса планеты Земля в своем количественном составе скуднее, чем за всю историю человечества. Очевидно, что существует связь между сопряженным с капитализмом жестоким обращением капитализма с животными, разрушением окружающей среды и насилием над людьми.

Поскольку жестокое обращение с животными во многом вызвано мясной промышленностью, многие неравнодушные люди автоматически отвечают на это требованием на введение запрета на потребление мяса. Недостаток познаний в истории, знаний о разнообразии человеческих обществ, понимания капитализма (вплоть до того, что же такое потребление) и сохранившаяся христианская мораль поспособствовали тому, что забота о животных яростно приравнивается к веганству. Веганская диета – не единственный логичный ответ на экоцид и жестокое обращение с животными, но при этом веганство как политическая позиция часто ослепляет и является контрпродуктивной.

Суть в том, что веганство — это потребительская деятельность. В конечном итоге, это попытка изменить капитализм и человеческую цивилизацию путем использования своих привилегий как потребителя. Однако такой подход неэффективен, и чтобы понять причину этого, сначала необходимо определить саму проблему.

Производство мяса в той форме, в которой оно существует в индустриальном капиталистическом обществе, по своей природе жестоко, и другим оно быть не может. Всякий раз, когда животное вынужденно превращается в товар и преобразуется в соответствии с рыночной логикой, будут применяться самые бессердечные и бесчувственные формы эксплуатации, как само собой разумеющееся, как коммерческая необходимость. Работники этой отрасли раз за разом поддаются садизму – и это неизбежная психологическая реакция людей, которые вынуждены функционировать как машины.

Таким образом, веганство может рассматриваться как разумный ответ людей, которые хотят минимизировать свое участие в мясной промышленности в существующем индустриальном капиталистическом обществе. Но описанные условия – не универсальны, тогда как веганство презентуется как универсальное решение. Активисты некоммерческой организации «Люди за этическое обращение с животными» (PETA) заявили, что человек не может быть защитником окружающей среды и мясоедом одновременно, и большинство веганов верят в истинность данного высказывания или явно придерживаются такой позиции. Однако веганы забывают, что промышленный капитализм существует не вечно, а человеческие общества не всегда были жестокими по отношению к животным и их образ жизни не во всех случаях приводил к экоциду. На самом деле, чтобы избежать европоцентрических выводов, веганы должны признать, что первые и самые лучшие защитники окру-

жающей среды едят мясо. Я имею в виду ряд общин коренных народов, живущих в прошлом и настоящем, которые имеют лучшую репутацию в области гармоничного существования с окружающей средой и считающие представителей других видов членами огромной природной семьи. Особенно учитывая тот факт, что веганы уделяют так много внимания влиянию образа жизни отдельного человека, они (почти все будучи жителями богатых стран) вводят в заблуждение себя и широкую общественность, которой они рекламируют свой имидж выдающихся защитников природы, так как всеядные некапиталистические общества имеют гораздо меньший экологический след и гораздо более глубокую духовную близость к животным, чем того может достичь любой человек, воспитанный в индустриальном обществе, за всю жизнь.

Некоторые веганы в своих книгах отмечают, что отдельные коренные народы, живя в гармонии с природой, практиковали веганскую диету, поэтому... Это одно из ряда тех невежественных заявлений, после которых хочется биться головой об стену. (Например, я никогда не видел доказательств, подтверждающих такое утверждение, и это вполне могли бы быть сфабрикованные или непроверенные факты, которые распространяют некоторые веганы). Сторонники этой точки зрения просто не понимают, что образ жизни не является (до недавнего времени, в некоторых частях мира) выбором потребителя. В обществах, живущих в гармонии с природой, образ жизни и уклад общественного хозяйства (включая пищевой рацион) обусловлены различными способами взаимодействия с окружающей средой, которые, как показывает практика, носят устойчивый характер. Другими словами, за пределами консьюмеризма возможные образы жизни варьируются в зависимости от местных природных условий. Во многих частях нашей планеты веганство попросту нерационально: еда, топливо, материалы для одежды и инструменты пришлось бы импортировать. Это означает, что в большей части мира убийство животных людьми более экологически устойчиво. Кроме экономики охотников-собирателей, садоводческая и сельскохозяйственная системы также часто являются более экологичными при задействовании животных.

Другой аргумент веганов, который имеет вес в индустриальном капиталистическом мире, но не в экологически устойчивых обществах – потребление мясной продукции содействует голоду в мире и разрушению окружающей среды, поскольку для выращивания домашнего скота необходимо огромное количество ресурсов. Вегетарианцу необходимо N акров земли, чтобы удовлетворить свои потребности в питании, в то время как мясоеду необходимо в десять раз больше земли. Это абсолютно верно в идиотски организованной промышленной системе сельского хозяйства, однако не является обязательно верным в других условиях. Например, на пермакультурных фермах в климатических условиях многих регионов включение кур в систему увеличивает, а не снижает продовольственные ресурсы. В то время как птицефабрике понадобятся сотни акров для выращивания, скажем, сои, чтобы прокормить тысячи кур, которых они держат взаперти, несколько десятков кур на пермакультурной ферме являются частью экосистемы. Лишь крошечная часть сельскохозяйственных культур должна выделяться курам, остальное их питание будет представлено пищевыми отходами людей, живущих на ферме (компост), и прежде всего самой фермой. После сбора урожая с определенной грядки можно выпускать

туда кур. Там они смогут есть отходы, части растений, которые не употребляет человек, поедать насекомых, тем самым разрыхляя почву, а куриный помет является хорошим удобрением; таким образом они будут повышать плодородность, что увеличит количество урожая, который потом дополнится их яйцами и, потенциально, но необязательно, мясом. Ферма здоровее, когда развитие на ней происходит подобно развитию экосистемы (и такие методы ведения сельского хозяйства станут основополагающими в сельском хозяйстве будущего, если у человечества вообще есть будущее), а экосистемы без участия в них животных неполноценны.

Веганам (да и всем нам) следует понимать, что земля, на которой выращивают только кукурузу, или пшеницу, или любую другую монокультуру, быстро теряет свою плодородность и «умирает». На «мертвых» землях также, как на большинстве засушливых земель планеты, может расти только трава, а земледелие практически невозможно. Единственная сельскохозяйственная практика, которая может восстановить плодородность земли, – выпас крупного рогатого скота. Стадные животные обычно обитают в засушливой местности, поэтому, согласно пермакультурным практикам, коровы и другие стадные животные могут пастись там без вреда окружающей среде. Если мы говорим о землях, ставшими непригодными к возделыванию, которые находятся в умеренном, влажном климате, рациональное скотоводство может вернуть земле плодородность, и там снова можно будет выращивать сельскохозяйственные культуры. Для другого текста я как-то брал интервью у фермера-скотовода из западной Вирджинии, придерживающегося экологических взглядов, семья которого получила в наследство «мертвую» землю, и после нескольких десятилетий рационального скотоводства с применением практики имитирования выпаса животных в естественных условиях (также стоит сказать, что он придерживался идеи «травяного фермерства», то есть выращивал полезную траву, которая бы поддерживала жизнедеятельность коров, в отличие от идеи производства говядины, которой озабочены крупные фермерские хозяйства), количество дождевых червей и органических веществ в почве достигло высочайшего уровня, а несколько лощин, вызванных эрозией, заполнились естественным путем. В конечном итоге, экологическое животноводство может обратить вспять процесс опустынивания, увеличить общую площадь пахотных земель и нарастить общий объем продовольствия.

Не существует определенной природно-обусловленной морали или этики, согласно которой убийство и поедание животных является неправильным. В природе убивать и поедать кого-то является почтительным, сокровенным действием, это необходимое составляющее природных циклов. Считать это плохим – не что иное, как поразительно отчужденное, цивилизованное представление, согласно которому происходит одомашнивание животных на метафизическом уровне, превращение их в квазиграждан, нуждающихся в правах. К черту это! Люди и все прочие животные гораздо более свободны и целостны вне правовых рамок, движимые только потребностями и желаниями.

Люди эволюционировали как всеядные существа. Во многих частях мира люди являются естественными хищниками в местной экосистеме. Это наша естественная роль, которую мы отрицаем, что часто приводит к катастрофическим последствиям. Там, где я родился (среднеатлантический регион Северной Америки), переуплотнение популяции оленей приводит к уничтожению остатков лесов. Местные виды

деревьев, которые они считают самыми вкусными, не успевают восстановиться, так как все саженцы съедаются за зиму. Я лично пытался восстановить лесонасаждения бассейна рек в пригороде Вирджинии, самостоятельно защищал их от газонокосилок, но олени уничтожили деревья и сохранили царство монокультурных газонов. Отсутствие лесных массивов вдоль речных долин является основным фактором исчезновения Чесапикского залива, который является одним из наиболее важных мест размножения морских обитателей в Североатлантическом регионе. Мои дедушка и бабушка живут на Чесапике, они и многие их друзья годами ловили там крабов, устриц и рыбу, в основном для собственного пропитания. Многие популяции этих водных видов исчезли за последние годы. Человеческое потребление пошатнуло экосистему, но основным фактором гибели Чесапика стали загрязнение и выброс отходов из пригорода (где люди достаточно богаты, чтобы покупать «правильную» еду, буквально пропитывают свои не столь «правильные» газоны удобрениями и пестицидами). Неудивительно, что рыбаки были одними из самых ярых защитников Чесапикского залива. Следует также помнить, что Чесапик раньше был буквально переполнен рыбой и моллюсками, что было важным фактором экологически устойчивого и благоприятного для животных рациона коренных жителей.

Возвращаясь к оленям, во многих частях восточной Северной Америки их естественными врагами являются только волки, пумы и человек. Только в нескольких местах все еще поддерживается популяция волков и пум, их следует яростно защищать везде, где они еще остаются или пытаются восстановить популяцию. Но учитывая плотность заселения восточного побережья людьми, волкам и пумам невозможно там поселиться. То есть остаются только люди. На данный момент у нас нет практического решения перенаселенности, хотя борьба за отказ от автомобильной культуры является жизненно важным шагом в уменьшении влияния человека на природу. Но в то же время, экосистема не может ждать. Если бы мы могли оказать влияние на пищевой рацион значительной части нашего общества, лучшее, что можно сделать на восточном побережье – сократить потребление тропических фруктов, сои, да всех неместных сельскохозяйственных культур, резко сократить употребление мяса до небольшого количества курицы и говядины с местных органических ферм и, что немаловажно, оленины, которую нам желательно добывать самим на охоте. Это была бы самая экологически устойчивая диета в краткосрочной перспективе для биорегиона, в котором я живу. Веганы правы в одном – сегодня количество употребления мяса на человека в среднем чрезмерно высоко – но они ловко игнорируют то, какой ущерб приносит производство тофу, выращивание и транспортировка бананов, которые многие из них употребляют в огромных количествах.

Веганство – это потребительский выбор в рамках современного капиталистического общества. Только лишая его моральной универсальности, мы можем лучше оценить его целесообразность, если мы действительно хотим честной оценки.

Является ли веганство эффективным как политическая стратегия? (Примечательно, что я редко слышу, чтобы веганы задавались этим вопросом). Я не слышал ни об одном всеобщем, бессрочном бойкоте за долгую историю подобных тактик, которая смогла бы уничтожить целую индустрию в масштабах, о которых мы говорим, также мне неизвестны частичные победы, которые бы предполагали это возможным с активизацией усилий. Прицельные бойкоты могут быть эффективными, особенно

если они подкреплены акциями саботажа, но когда бойкот не имеет определенной мишени (определенный товар или компания), а направлен против целой индустрии или огромного класса товаров, то он просто не сработает. Отличным примером международного бойкота можно считать кампанию за вывод капитала корпорации «Шелл Ойл» из Южной Африки, при этом наиболее эффективным компонентом стали многочисленные нападения на собственность. Следует отметить, что эта кампания не требовала от сторонников отказа от потребления нефти, ведь это невозможно в капиталистическом обществе.

Как идеология, веганство не понимает экологию и механизмы капитализма. Бесспорно, чтобы спасти животных и планету, следует уничтожить капитализм. Упор на сомнительное могущество потребительского выбора саботирует борьбу против капитализма и экоцида. Существование в качестве потребителей, коими мы вынуждены быть, несовместимо с природой, и в долгосрочной перспективе веганская диета не тождественна экологической диете. Наиболее важными факторами являются не наличие или отсутствие мяса в нашем рационе, а то, произведена ли еда локально и устойчиво. На сегодняшний день только ограниченное количество людей могут позволить себе такой образ жизни. Дело не в том, чтобы стать одним из этих людей, а в том, чтобы уничтожить капитализм и добиться развития экологических перспектив в рамках антикапиталистических движений (и антикапиталистических перспектив в экологических движениях, ведь антикапитализм и природозащита до сих пор не тождественны лишь из-за близорукости участников каждого из этих движений). Многие веганы проделали крайне важную работу, распространяя экологическое сознание (как и многие всеядные). Но в целом веганство имеет тенденцию распространять ложное сознание. Оно искажает представление о том, какими средствами можно достичь экологического общества и какой образ жизни это общество сможет поддерживать в долгосрочной перспективе. Веганы распространяют ложь, что человек не может быть одновременно мясоедом и защитником окружающей среды, и скрывают правду о том, что невозможно быть экологом-капиталистом.

Поучительно то, с какой легкостью капитализм удовлетворяет потребительский выбор веганов во многих странах – как легко сейчас купить веганские продукты в Великобритании, Нидерландах и большей части США. Это побуждает нас задуматься, что будет, если веганство возьмет верх? Что если каждый или почти каждый в богатых странах будет придерживаться веганской диеты? Мясная индустрия рухнет, но другие отрасли и капитализм в целом продолжат свое существование, оставив нам противоречие веганского общества, которое освобождает животных, но их «освобождение» носит ограниченный характер, они критикуют промышленное животноводство, но тем не менее разрушают окружающую среду со всеми населяющими ее животными.

Потребители – веганы и невеганы – не могут разрушить капитализм и сохранить планету, равно как веганство необязательно предполагает экологическое общество. Мы разрушим капитализм и спасем планету лишь выйдя за рамки навязанной нам роли потребителей. Веганство не сработает как бойкот. В рамках капитализма падение спроса может снизить цены и увеличить общее потребление. Коварные реформисты, которые распространяют ложь про энергосберегающие лампочки и т.п., помогают стремительно увеличить потребление энергии. На протяжении 80-х и

90-х годов повышение энергоэффективности снизило цены на энергоносители, что позволило крупнейшим потребителям – заводам и торговым центрам – потреблять гораздо больше. Точно так же, хотя количество вегетарианцев и веганов в США за последние десятилетия увеличилось с единичных представителей до ощутимого меньшинства, общее потребление мяса не снизилось, а фактически увеличилось. Давайте будем откровенными: вы говорите о спасении животных, но ничего не меняется. Сейчас быть веганом стало куда проще, ведь капиталистическое производство создало для вас нишу, но количество убитых животных на фабриках не уменьшилось. Разве это не подчеркивает необходимость переосмысления стратегий? Или веганство – это нечто иное, чем попытка освободить животных? (Подробнее об этом в следующем разделе).

Я не видел, чтобы веганы повышали осведомленность о капиталистическом рынке, наличия которого требует их стратегия, также они не осуществляют оценку своей деятельности, которая была бы совместима с искренним желанием спасти планету. Типичная их позиция – быть на стороне хороших ребят, в то время как все катится к черту.

...Высокие моральные принципы достигают религиозных масштабов

По этой причине я думаю, было бы справедливо разъяснить, почему веганство больше походит на религию, чем на стратегию освобождения. Я считаю, здорово, когда человек делает личный выбор в пользу отказа от употребления мяса, особенно если он никогда не сможет собственноручно убить животное. Я сам был вегетарианцем восемь лет и в конце этого периода был даже ближе к веганству, пока вдруг не решил вернуться к всеядности в ответ на расистское отчуждение со стороны некоторых белых веганов, свидетелем которого я стал. В настоящее время я не употребляю мясо домашних млекопитающих (отмечаю, что фриганство и воровство не являются потреблением в капиталистическом смысле). На сугубо личном уровне я не хочу разводить животных, с которыми у меня может появиться эмоциональная связь, чтобы потом их убить. Я способен убить (и мне случалось это делать) птицу или рыбу, чтобы съесть, так как я не считаю, что они способны узнать меня или какого-либо другого человека, и поэтому у меня не может сформироваться эмоциональной связи с ними, которая была бы нарциссичной или односторонней. Также я полагаю, что охота – это уважительное и здоровое с точки зрения эмоций занятие. Но такова лишь моя точка зрения.

Веганство отрицает личные и эмоциональные факторы, заявляя, что приемлемо для всех. Это отличительная черта религиозности. Во-вторых, веганство вводит, унифицирует и мистифицирует моральные запреты, которые логичны исключительно в определенном историческом контексте, но не в природе в целом. В-третьих, веганство имеет черту миссионерства. Сделаю справедливое обобщение: вы все будто пытаетесь обратить других в свою веру. Так как я был вегетарианцем, то знаю, что в основном люди, которые не имеют даже минимального экологического сознания, чтобы хотя бы изменить свой пищевой рацион, намного чаще исключают,

издеваются и пытаются переубедить «травоядных», то есть можно считать это защитная реакция. Но тогда, возможно, и христианское фарисейство тоже пошло от их преследования. В конце концов, это не столь важно.

Распространение информации о жестоком обращении с животными, о мясной промышленности и о разрушении окружающей среды заслуживает восхищения и необходимо. Распространение идеи о том, что есть только один путь к спасению, что люди должны подражать вашей стратегии и образу жизни, является христианским явлением. Это тем более непристойно в случае, когда моральные и стратегические основания плохо продуманы.

Я думаю, что квазирелигиозность веганства объясняет, почему я так часто сталкиваюсь с веганами, которые защищают свою позицию нелогичными, нечестными способами – как часто защищают веру. Это вопрос ложной пропаганды. Например, некоммерческая организация PETA в рамках компании против фастфуда распространила слух, что KFC прекратили называть себя Kentucky Fried Chicken, потому что дерьмо, которое они продают, и близко не является курицей, и если бы они продолжали на этом настаивать, то могли бы получить поток исков в суд (с каких пор честность в рекламе гарантируется законом?). На самом же деле, это случилось потому, что с модой на ЗОЖ «жареная» (*fried*) еда получила дурную славу, отсюда и выбор в пользу аббревиатуры KFC. Такого рода «мемные» атаки, хотя и могут быть очень эффективными в краткосрочной перспективе, подрывают доверие к движению в долгосрочной перспективе.

Я также спорил с друзьями и подругами, которые являются веганами и вегетарианцами и говорят, что благодаря своему выбору они не несут ответственности за убийство животных. Даже после того, как я указывал на их заблуждение, они продолжали стоять на своем, хотя им хорошо известно, что их потребление овощей, выращиваемых в промышленных масштабах, использование пластмассы, зависимость от транспорта на нефтяном топливе, зависимость от электричества, извлекаемого из угля, энергии ветра, ядерной, гидро- или даже солнечной (например, разработка полезных ископаемых для конструкции панелей и аккумуляторов) энергии убивает гораздо больше животных, чем мясные фабрики. Нельзя жить в капиталистическом обществе, не убивая животных и не разрушая окружающую среду. Мы все в одной лодке, и разделение между веганами, которые не убивают животных, и остальными, кто несет ответственность за порабощение животных и разрушение окружающей среды, глупо и самодовольно.

То, как многие веганы реагируют на постыдную ересь фриганства (употребление продуктов животного происхождения, только если они были украдены или найдены в мусорных баках), также демонстрирует религиозную нелогичность. Для меня непостижимо, как употребление в пищу выброшенного или украденного мяса поддерживает мясную промышленность, разве что на метафизическом уровне. Предположительно, воровство мяса способствует убийству животных, потому что, когда мясо исчезает с полки супермаркета, они заказывают больше, чтобы восполнить запасы. Однако воровство – это низкоуровневая атака на отрасль, не повышающая рентабельность такой отрасли. Воровство однозначно не равняется потреблению. Кроме того, большинство супермаркетов регистрируют через кассовые аппараты данные о том, какие именно продукты покупаются, поэтому они также могут соби-

рать статистику о том, какие продукты чаще всего воруют. К этим продуктам могут прикреплять магнитные бирки, снижающие чистую прибыль, или их могут выкладывать в менее доступном месте, что снижает частоту покупок (шопинг в значительной степени сопряжен с некоторыми продуктами). Еще не было такого, чтобы какой-то продукт воровали так часто, что его снимали с продаж.

Идея о том, что воровство мяса способствует развитию отрасли, не только плохо аргументирована, но и противоречива. Если супермаркеты используют полученные с продаж деньги для пополнения ассортимента заранее заданных продуктов (включая мясо), то это означает, что деньги веганов, потраченные на покупку салата, также пойдут на покупку большего количества мяса. Таким образом, функционирование супермаркетов связано с мясной индустрией, и единственный способ достать еду из супермаркета, не отдавая своих денег на поддержку этой индустрии, – воровать, что имеет дополнительные преимущества: подрывает навязанную нам роль потребителя и вынуждает войти в конфликт с капиталистическим обществом. В то же время веганы, которые ходят за покупками, на самом деле не такие уж и веганы. Как далеко можно зайти в нашем анализе? Инвестируют ли банки, в которых веганы хранят свои деньги, в какие-нибудь супермаркеты или другие отрасли, связанные с мясной промышленностью? Делают ли это компании, в которых они работают, или где они совершают покупки? Кампания против жестокости по отношению к животным SHAC (Stop Huntingdon Animal Cruelty) очень хорошо продемонстрировала, насколько разнообразной может быть экономическая активность отдельной компании.

Из-за этих миссионерских и универсалистских тенденций веганство создает ряд проблем в рамках широкого антикапиталистического движения. Эти проблемы особенно опасны, когда дело доходит до расы: небелое население более склонно к использованию мяса в своем рационе, их традиция употребления мяса имеет экологическую основу, их культура питания является более глубокой, в меньшей степени сопряженной с потреблением, и, следовательно, у них более сильная связь с этой культурой. По всем этим причинам веганы могут показаться особенно нетерпимыми, когда они настаивают на том, что веганская диета полезнее для всех (неправда, некоторые люди здоровее, когда едят мясо), или пропагандируют своеобразный математический взгляд на еду, согласно которому веганская пища, как наименьший общий знаменатель, является единственной подходящей диетой для каждого. Такой подход часто обосновывается аргументом, что «люди должны осознать, что в меню не обязательно включать мясо», как если бы это была просто какая-то невежественная привычка, а не полноценно развитая культура питания. Компромисс, учитывающий особенности всех культур, – это не веганская еда, а меню, включающее и веганскую еду, и блюда для всеядных. Естественно, веганство упускает из виду плюрализм в пользу явно абсолютистского мировоззрения.

Не является ли «освобождение животных» оксюмороном?

Я не думаю, что сторонники освобождения животных верят в то, что они могут прекратить вивисекцию и упразднить мясную индустрию, освобождая заключенных в клетки животных, точно также, как и анархисты не рассчитывают уничтожить

государственную систему с помощью того объема деятельности, на который мы сейчас способны. Поэтому позвольте мне представить свою твердую однозначную позицию по поводу действий сторонников освобождения животных. Они действуют смело, а сейчас людям больше всего нужно вдохновение. Они полны страсти, а это еще один аспект революционности. Даже несмотря на то, что одна акция спасет лишь небольшое количество животных от конвейера огромной машины смерти, каждое отдельное животное заслуживает спасения. Такая логика, не ориентированная на количественные показатели, ценна в борьбе за анархистский мир, свободный от господства. В-третьих, движение за освобождение животных разработало новые важные тактики, которые переняли смежные сообщества и движения. Они также продельвают важную просветительскую работу о том, насколько наша цивилизация жестока по отношению к другим живым существам.

Моя критика этого движения незначительна и в основном представляется как пища для размышлений. В отличие от веганства, движение за освобождение животных на мой взгляд, является важной частью полноценного анархистского движения. Как отдельное движение, оно сталкивается с опасностью заикливания на одних и тех же действиях, фетишизации своей деятельности, осуществляемой только ради своих внутренних моральных ценностей, а не в сочетании с более долгосрочными стратегическими подходами, но мне кажется, что взаимодействие между «освободителями» и другими радикалами позволяет утверждать, что освобождение животных связано с необходимостью уничтожить капитализм.

Более проблематичным является отношение движения за освобождение животных к ложным представлениям о солидарности, которые уже преобладают во многих кругах активистов, особенно в среде более привилегированных. Формально, хотя на первый взгляд это кажется незначительным, движение за освобождение животных – оксюморон. «Освобождение» – если мы не имеем в виду то, что под этим словом подразумевает Джордж Буш – может быть достигнуто только самим субъектом. Другими словами, люди должны освобождать себя. Однако, с другой стороны, животные на это неспособны. К сожалению, животные никогда не смогут организовать и мобилизовать социальную силу, способную положить конец капитализму или хотя бы вивисекции. Животные не умеют писать письма или собирать деньги на залог для заключенных освободителей животных. С точки зрения демократии люди и животные не равны, потому что они не могут быть соучастниками гражданского общества с равными правами и обязанностями. Но к черту демократию! Автономия является более последовательной концепцией, и все живые существа заслуживают автономии и права распоряжаться любым выбором, на который они способны. (Здесь поднимается моральный вопрос относительно одомашнивания животных: многие животные участвовали в своем одомашнивании на этапе эволюционной адаптации, и те, к кому хорошо относятся, особенно свободно пасущиеся одомашненные животные, не убегают, даже если они видели, как убивали других животных из их стада. Вместо этого они предпочитают оставаться поблизости с приручившими их людьми. В таком случае, что нам делать с их автономией или равноправием?)

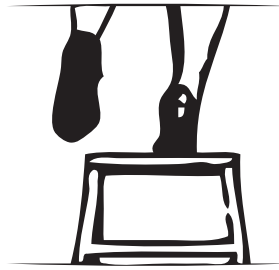
Животные не освободятся сами, их следует спасти. Планету также нужно спасать, но это не значит, что наши действия будут безнадежными миссионерскими проектами, поскольку под «спасением» мы буквально подразумеваем то, что люди должны

прекратить пытаться и уничтожать животных и природу. В рамках этой необходимости движение за освобождение животных продвигает ложную идею солидарности, которая создает очень высокомерную, часто расистскую модель, когда активисты, которые попробовали себя в деле освобождения животных, пытаются сотрудничать с другими социальными группами в совместной борьбе и в контексте других привилегий могут возомнить себя спасателями. Это не неизбежная слабость движения за освобождение животных, но лишь потенциальное следствие в революционных кругах, где деятельность по освобождению животных гораздо более развита и где ей придается более важное значение, чем международной или межрасовой солидарности. Другими словами, движение за освобождение животных, очевидно, не несет ответственности за миссионерскую мотивацию, которая укоренилась на культурном уровне в представителях белой расы. Скорее всего, «освобождение животных» является настолько привлекательным для многих белых радикалов, потому что оно не бросает вызов, а наоборот, способствует миссионерскому подходу к солидарности, в котором более могущественное существо спасает невинное, беспомощное существо от страданий.

...В заключение

На индивидуальном уровне многие веганы занимаются крайне важной работой, направленной на повышение экологического самосознания, и они ощущают свой выбор питания как средство достижения этической последовательности и самодисциплины. Однако их диета не является ценностью в этой борьбе. Для многих из нас важно жить в соответствии с тем, что мы считаем этически последовательным, и пытаться вообразить мир, который мы стремимся создать. Однако абсолютистское веганство не решает этих задач, а вместо этого препятствует верному пониманию экологии и механизмов капитализма, противодействуя созданию объединенного плюралистического движения против капитализма.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Питер Гелдерлоос
Веганство как вид потребительской деятельности
2009

<https://pramen.io/ru/2020/05/perevod-teksta-pitera-gelderloosa-veganstvo-kak-vid-potrebitelskoj-deyatelnosti/>,

<https://telegra.ph/Perevod-teksta-Pitera-Gelderloosa-Veganstvo-kak-vid-potrebitelskoj-deyatelnosti-05-07>

Переведено коллективом Baranki Punx.

ru.theanarchistlibrary.org